

УДК 316.7

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МИГРАЦИЯ

Аннотация: в статье рассмотрено влияние факторов миграции на региональную стабильность общества.
Ключевые слова: региональная идентичность, миграция, глобализм, общество.

Loiko A.I.,
 Doctor of Philosophy, professor,
 department chair of philosophical doctrines
 Belarusian National Technical
 University (Minsk)

REGIONAL IDENTITY AND MIGRATE

Summary: In this paper, the influence of factors of migrate dynamics on the regional stability of society is considered.
Keywords: regional identity, migrate, globalism, society.

Регион рассматривается нами в контексте стремящихся к общим ценностям и единому социальному, культурному, экономическому пространству народов. В данном контексте принято говорить о семье европейских народов, о евразийском экономическом пространстве. Региональная идентичность фиксирует факт того, что разделяемые границами национальных государств этнические и религиозные группы связывают свою историю и современность с общими истоками региональной культуры, интеллектуального пространства. Для европейского региона такой общей традицией стала античность, которая сохранилась в христианской культуре средневекового Запада в форме интеллектуального наследия Платона и Аристотеля. Еще больше позиции античности укрепились в период европейского Возрождения. Ценностный статус общей региональной основы европейской культуры не смогли подорвать великое переселение народов и национализм. Варварские племена германцев были интегрированы в пространство средневековой европейской цивилизации христианской церковью, которая создала необходимую для этого институциональную основу в виде крестовых походов, колонизации территорий, функционирования орденов, инквизиции. В период Реформации католики потеряли единство и оказались в ситуации межконфессиональной конфронтации. Это дало повод для усиления позиций светской культуры и связанного с ней атеизма, особенно во Франции.

Светская культура и атеизм в Европе сохранили в своей структуре атрибут конфликтности на основе национализма и шовинизма. Результатом стали две мировые войны. После второй мировой войны США настояли на возврате европейцев к единой основе в виде регионального экономического пространства. В сфере политики основная роль стала отводиться блоковому мышлению. Именно эти феномены и создали противоречие, которое сделало уязвимым региональную идентичность европейцев, базирующуюся на гарантиях непроницаемости внешних границ Европейского Союза. Проблемы европейской региональной идентичности начались после того, как границы Европейского Союза стали

прозрачными. В пространство старого континента началось второе великое переселение народов, обусловленное политической нестабильностью по всей периферии его границ. Миграционное давление на Европу усилили факторы исламизации Африки. Большинство государств черного континента оказалось на грани гражданской войны, распада ранее созданных государств.

В отличие от России и США, Европа оказалась не готовой к притоку демографических ресурсов, на которые она рассчитывала с точки зрения экономических интересов. На основе миграции в Европейском Союзе сформировался емкий сегмент теневой экономики, зарабатывающий миллиарды долларов на доставке выходцев из Африки и Азии в пределы собственных границ. Проблема заключается в том, что у этого процесса нет полного цикла, связанного с четкой политикой долгосрочного присутствия сотен тысяч людей в национальных европейских пространствах жизнедеятельности. У Европы нет философии мультикультурных отношений этнических и религиозных общин. В России подобную философию сформулировал Л.Н. Гумилев. Он одним из первых сформулировал концепт североевразийской идентичности. Эта идентичность формировалась исторически. Ее топологические координаты акцентированы на восточно-европейской равнине, Арктике, Сибири, Дальнем Востоке, а также на степных пространствах скифского наследия Крыма, Причерноморья, Северного Кавказа, Алтая, Саян, Туркестана. Носителями североевразийской идентичности стали пассионарии, совершившие историческое переселение из района Киева в район Золотого Кольца. Восточные славяне одними из первых столкнулись с проблемой межкультурного диалога на региональной основе. Этот диалог строился ими первоначально на акценте различия с другими культурами и с самими собой, что делало их социальную и политическую жизнь крайне нестабильной. В перспективе эту группу племен ожидала колонизация или со стороны Запада, или Востока, что и показали крестовые походы и татаро-монгольское нашествие. Но ко времени этих решающих событий восточные славяне трансформировали свое понимание межкультурного диалога. Они стали отдавать предпочтение во взаимоотношениях с евразийскими лесными и степными народами положительным комплиментарным практикам, создавшим основу для формирования суперэтнуса на межэтнической основе.

Взросший пассионарный ресурс великороссы актуализировали в соответствующем их новому содержанию географическом пространстве, известном как Золотое Кольцо. Здесь сформировалось Московское государство, которое дистанцировалось от Запада и Востока собственным цивилизационным статусом. Его подчеркивало православие, культурно-исторический тип образа жизни. Православие, сохранившее греко-византийскую догматику, синтезировало культуру степных и лесных народов. Об этом свидетельствует архитектура в виде шатрового и звериного стилей, деревянного северного зодчества. Синтез положительных комплиментарных практик проявился в двух процессах формирования северной евразийской идентичности.

С одной стороны, важную роль сыграла внутренняя динамика локального пространства Москвы, куда стекались выходцы из Великого Княжества Литовского не принявшие католичество, татары и половцы, не принявшие ислам. Здесь они находили пространство единого образа жизни, женились и уже через несколько поколений воспринимали себя идентичными единому народу, готовому культивировать общие ценности. Это наглядно проявилось в жизнедеятельности преподобного Сергия Радонежского, приблизившего встречу православия с новой социальной целостностью и благословившего Д. Донского на ратное дело. Как пишет Л. Гумилев, на поле битвы отправилась рать, а вернулся единый народ, консолидированный духовными ценностями.

Доминирование механизмов положительной комплиментарности в межкультурном диалоге северных евразийских народов обеспечило быстрое пространственное становление новой цивилизации, ее экономическую специфику, связанную с охотничьим и лесным промыслом, кочевым животноводством, земледелием. Проблема пограничного статуса между Западом и Востоком требовала перехода на более прочное научно-техническое основание безопасности.

Петр I принял историческое решение о техногенной модернизации России, что одновременно открыло путь к ее европеизации. Этот процесс выразился в феноменах золотого и серебряного веков российской культуры. На основе европейских ценностей Россия стала привлекательной для тюркских степных народов, оценивших ее цивилизационный статус. Так, для Абая русский язык, наука, техника,

образование стали вектором развития Казахстана в направлении ценностей техногенной цивилизации. Великий мыслитель степных народов пишет о культурном коде, освоение которого откроет путь казахам к достижениям европейской культуры. В этом коде есть трансграничная составляющая транзитного наполнения. Она представлена русским языком. Через него открывается путь к техногенным достижениям науки и образования.

Европеизация России означала не утрату ею собственной идентичности, а приобретение дополнительных ресурсов для ведения межкультурного диалога с народами Востока, в первую очередь, со среднеазиатской, японской и китайской культурой [1]. Эти векторы межкультурного диалога были актуализированы россиянами практически в одно историческое время, связанное с XIX столетием. В результате россияне инициировали процесс взаимодействия православия и ислама в контексте доминирования положительных комплиментарных практик. Основу этих практик выработал исторический союз политических элит Московского государства и Казанского ханства. Этот опыт помог России выстроить диалог с мусульманами Северного Кавказа и Азербайджана. Подобные процессы синтеза шли на территории Туркестана. Будучи революционными демократами, они находились в ссылке на территории Казахстана. Имевшееся в их распоряжении время они использовали для формирования атмосферы межкультурного диалога с местным населением через этнографические исследования, создание комитетов образовательной деятельности.

Формированию североевразийской региональной идентичности способствовало пространство единого государства. Таковыми государствами были Российская империя и СССР. Особенно важную роль сыграл советский период истории, поскольку совместными усилиями народов решались общие задачи индустриализации, культурной революции, противостояния агрессии нацистской Германии и ее союзников. После распада СССР обнаружилось, что четкие демаркации европейской и североевразийской региональных идентичностей не проходят по государственным границам. Так, на территории Украины оказались носители проевропейской интенции и одновременно евразийской интенции солидарного мировосприятия. В Беларуси государство прилагает много усилий для сохранения атмосферы конструктивного диалога христианских конфессий западного и восточного обрядов. При этом очевидным является факт, что христианство в целом сталкивается в европейских странах со сложностями, сопровождающими их диалог с общинами мусульманского населения. С большими трудностями сохранения идентичности сталкиваются христианские общины на территориях, контролируемых террористическими организациями в регионе Ближнего Востока. Именно эта особенность эволюции христианства в XXI веке побудила глав Ватикана и русской православной церкви к тесному диалогу. Опыт подобного диалога уже создан на уровне регулярных встреч представителей христианства. Современный статус православия определяется его присутствием в Интернете, в пространстве которого остро стоят проблемы нравственной направленности [2].

В условиях сохраняющейся нестабильности европейского сознания под давлением факторов великого переселения народов важно наполнить идею единой европейской семьи христианскими традиционными ценностями [3]. Реализация этой задачи требует использования всех ресурсов стабилизации социума [4, с. 24–26].

В более широком смысле речь должна вестись о евразийском христианском пространстве. Границы Евразии определились к XIX столетию, когда великорусский суперэтнос вышел к границам других природно-ландшафтных комплексов и прекратил движение в их направлении из-за нарастающего сопротивления этнических групп, находившихся под влиянием других культурно-исторических типов.

Особенности формирования евразийского региона показывают, что европоцентризм приобрел новое содержание. Оно фиксируется понятием идентичности. Периоды политической раздробленности не тождественны распаду партикулярности. Они являются лишь способом ее эволюции через динамический хаос и самоорганизацию. Даже в самые сложные периоды политической раздробленности евразийские народы сохраняли приверженность региональному культурно-историческому типу. И именно этот приоритет всякий раз детерминирует интеграционную динамику на основе духовных ценностей, что иллюстрируют разногласия между участниками интеграции. Они отсутствуют в духовных вопросах.

Оптимистическую перспективу христианской антропологии придает история. Как пишет У. Эко,

«наша история имеет перед многими другими то преимущество, что может начинаться с Начала» [5, с. 18]. Еще одно преимущество христианской антропологии заключено в тенденции усиления духовной интенции на уровне индивидуального сознания европейцев [6, с. 178]. Следует учитывать сохраняющееся в Европе влияние интеллектуального нигилизма, связываемого с понятием постмодернизма [7]. В структуре светских размышлений не все позиции остаются радикальными. Сложный эволюционный путь к духовной парадигме современной культуры прошли Ф. Достоевский, Н. Бердяев, С. Булгаков. Исканиями был наполнен жизненный путь Л.Н. Толстого. На фоне постмодернизма духовную миссию исполнил А. Мень.

Традиционной христианской культуре необходимо пространство консервативных представлений. Европейская культура слишком многое потеряла после того, как она ограничилась лишь радикальными проектами, ломающими социальную жизнь, преемственность поколений. Она сфокусировалась на задачах, которые не придают ей большей современности.

Духовные ценности христианской антропологии являются аксиологической основой европейской семьи. Тем не менее они с непонятным рвением нигилируются из социальной жизни столь богатых духовными традициями национальных культур.

Традиции выполняют функции социальной стабилизации и преемственности в процессах жизнедеятельности общества; создания необходимых условий и предпосылок для эффективного осуществления инноваций. Как стереотипы поведения и деятельности, характерные для конкретных сообществ, традиции не только осваиваются и транслируются, но и выступают в качестве социокультурных формирований структур сознания, обозначаемых как ментальные.

Ценности поведения и коммуникации, закрепившиеся на уровне ментальных структур сознания, наиболее устойчивы и жизнеспособны с точки зрения преемственности. В совокупности ценности формируют ориентированное на практику восприятие индивидом социальной жизни. Традиции конструируют внутренний мир человека, являются источником его противоречий и придают ему необходимую динамику.

Христианская антропология в русле ценностной проблематики актуализировала герменевтическую традицию, позволяющую видеть настоящее в присутствии прошлого и будущего. В этом умении заключена связь человека с Богом, с исторической традицией эсхатологии. В белорусской культуре герменевтику актуализировал В. Короткевич. Еще более насыщенной ее сделал В. Быков. Белорусские писатели раскрывали внутренний мир людей таким образом, что в нем постоянно присутствует духовность, которая придает им силы в решении важнейших вопросов морального выбора. Люди, казалось бы, живут без Бога, но при этом он с теми, что стоят на принципах гуманизма. Они не предаются, не обманывают, не прячутся, но, следуя христианским ценностям своего народа, остаются в пространстве христианских духовных ценностей.

В. Короткевич показал христианскую антропологию на уровне повседневного ее существования в средневековой Беларуси. Люди жили на ее основе и искали объяснения на возникавшие вопросы. Благодаря таким поискам формировался внутренний мир человека. Он требовал большей глубины размышлений и усиливал значимость христианской антропологии. Эту значимость со всей наглядностью демонстрируют персонажи романа И. Мележа «Люди на болоте». Для них Бог является основой их бытия в повседневном ритме жизни. Им также приходится непросто, поскольку испытания создают не только войны, но и болезни, из-за которых расстаются люди. Бог дает им надежду. Он помогает по-другому посмотреть на жизнь и не потерять ее конструктивного основания.

Таким образом, региональная идентичность формируется в открытом пространстве диалога с внешней культурной средой и техногенными факторами. Благодаря механизму положительных комплиментарных практик России в условиях очередного великого переселения народов удастся избежать кризисных явлений, сопровождающих европейскую культуру.

Список использованной литературы:

1. Лойко А.И. Философия межкультурных отношений: Беларусь в диалоге цивилизаций / А.И. Лойко, В.А. Семенюк, Л.Е. Лойко, В. Юйхун. Минск, 2012.

2. Вахромеева И.Н. Православие и Интернет // Актуальные проблемы регионоведения. Славянск-на-Кубани, 2011. Ч. 2. С. 12–16.
3. Маркетто А. Ответ католической церкви на макрофеномен миграции // Кафоликия. Вып. 3. Минск, 2013. С. 30–40.
4. Данилов А. Христианские ценности без церковности. Необходимость усиления православно-католического диалога // Кафоликия. Вып. 3. Минск, 2013. С. 24–26.
5. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб., 2009.
6. Пронина Т.С. Религия и культура в современном обществе: характер взаимодействия // Духовно-нравственная культура как фактор модернизации российского общества XXI века (Третьи Хайкинские чтения). Тамбов, 2013. С. 174–179.
7. Кондрусевич Т. Христианство перед лицом вызовов постмодернистской идеологии // Кафоликия. Вып. 3. Минск, 2013. С. 10–15.